

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 24 Пятница, 21 іюня (4 іюля) 1902 г. № 24

Къ 200-лѣтію кирасирскаго Его Величества полка.

1) Генер.-маіоръ графъ Орловъ-Давыдовъ. 2) Генер.-адъютъ свѣтл. князь Р. Д. Голицынъ. 3) Генер.-адъют. баронъ А. Ф. Дризенъ. 4) Генер.-адъют. князь Н. Ф. Шаховской. 5) Группа офицеровъ кирасирскаго Его Величества полка. Въ центрѣ генер.-маіоръ Я. Б. Преженцовъ. 6) Полковая церковь. 7) Наружный видъ казармъ полка. 8) Группа нижнихъ чиновъ. 9) Пѣвчіе, балалаечники и музыканты. 10) Внутренній видъ конюшень.

Въ верхнемъ лѣвомъ углу помѣщены въ медальонахъ портреты прежнихъ командировъ полка въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная справа: генер.-лейт. Кноррингъ (1817—1831), генер.-адъют. В. Ф. Клюпфель (1834—1843), генер.-маіоръ К. А. Швебсъ (1864—1868), генер.-маіоръ А. Ф. Берсдорфъ (1850—1856), генер.-маіоръ Г. А. Вендрихъ (1861—1864).

Со снимковъ нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Война изъ-за спиритизма.

Въ Италіи теперь ломаютъ копья самые знатные рыцари пера и медицины по вопросу о дѣйствительности спиритическихъ явленій. Защитникомъ спиритизма выступилъ извѣстный итальянскій публицистъ Васалло, изложившій свое „credo" въ собраніи представителей печати 6 апрѣля н. с. Ломброзо, Чіапарелли, Морсеми и др. болѣе или менѣе извѣстные ученые долгое время изслѣдовали знаменитую Евзанію Паладино, медіума, творящаго положительно чудеса. Изъ протоколовъ, составленныхъ въ тѣхъ ученыхъ кружкахъ, гдѣ Паладино давала сеансы, видно, что были предприняты всякія предосторожности и даже привязывали медіума къ желѣзному шесту. Тѣмъ не менѣе происходили удивительныя вещи: появлялась женская фигура, одѣтая въ бѣлое платье, посылала воздушные поцѣлуи, ее смѣнялъ маленькій, сѣденькій старикъ съ огромной головой и бородой; потомъ видѣнія исчезали, и вновь появившаяся женщина играла на рояли, который стоялъ въ противоположномъ углу; наконецъ, присутствующіе видѣли сорокалѣтнюю особу съ ребенкомъ на рукахъ, дитя цѣловало мать. И все это несмотря на осмотръ медіума врачами до сеанса! Подобные сеансы, гарантированные, такъ сказать, солидными именами участниковъ, конечно, вызываютъ сенсацію и пополняютъ ряды спиритовъ множествомъ новыхъ сторонниковъ. Извѣстный поэтъ, сенаторъ Фогаццаро открыто объявилъ себя приверженцемъ спиритическихъ ученій. Органы печати стали пространно обсуждать вопросы, касающіеся матеріализаціи духовъ. Обманъ казался невозможенъ тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ бы быть троякимъ: зрѣнія, слуха и осязанія. Удивительно и то, что всѣ участники сеансовъ воспринимали одинаковыя и одновременныя впечатлѣнія поцѣлуевъ, музыки и пр.

Но чѣмъ фанатичнѣе отстаивались интересы спиритическаго кружка, тѣмъ болѣе ожесточались люди другого лагеря, и реакція готовилась ужасная. Президентъ академіи наукъ въ Римѣ, Блазерна и Бонильи, директоръ римской клиники для душевнобольныхъ, такія газеты, какъ „Patrie", „Cafaro", „Capitale" и др. начали страстную полемику. Громовой ударъ спиритамъ былъ нанесенъ именно „Patria", сотрудникъ которой Лео Парони прибѣгъ къ своеобразному и вѣроломному пріему. Сначала названная газета объявила, что въ помѣщеніи ея редакціи торжественный сеансъ, съ демонстрированіемъ тѣхъ же чудесъ, что продѣлываетъ Евзанія Паладино и ея товарищъ Полити: столъ станетъ подыматься, послышатся глухіе стуки гитары и тамбурина, появятся искры, потомъ бородатое лицо; оно прикоснется къ лицамъ присутствующихъ; станутъ сыпаться цвѣты и, въ заключеніе, зрители будутъ любоваться странной свѣтящейся головой. Такъ оно и случилось. Публика была въ изумленіи, видя себя лицомъ къ лицу съ невѣдомой и грозной силой. Но наступилъ слѣдующій день, и Лео Парони выступилъ съ объясненіями и иллюстраціями „какъ оно было продѣлано", причемъ источникомъ этихъ откровеній служили показанія самого медіума. Когда свѣтъ гасили, медіумъ тотчасъ освобождалъ одну ногу, хотя сидящіе рядомъ оставались въ полной увѣренности, что эта нога находится подъ ихъ строгимъ контролемъ. Еще раньше медіумъ запряталъ въ панталоны пыльную щеточку на длинной тонкой ручкѣ, а на столъ положилъ цвѣты. Конечно, „чудотворецъ" долженъ обладать той же ловкостью, какую обнаруживаютъ хорошіе фокусники и значительной гибкостью членовъ. Остальное уже не трудно, если принять во вниманіе напряженное состояніе участниковъ сеанса, дополняющихъ воображеніемъ то, чего вовсе и не было въ поминѣ. Правой свободной ногой медіумъ производитъ стуки, то сильные, то едва слышные: прикасается къ лицамъ и рукамъ сосѣдей („истеченіе" дѣйствительно лишь на близкомъ разстояніи отъ медіума), передвигаетъ стулья, мы, бренчитъ на музыкальныхъ инструментахъ, и, въ концѣ концовъ, положивъ голову на столикъ, плечами и шеей приподымаетъ его почти на два аршина; сосѣди держатъ руки медіума и, ничего не подозрѣвая, наблюдаютъ появленіе невѣдомой головы въ воздухѣ. Фосфоръ, которымъ медіумъ незамѣтно для другихъ смазалъ пальцы ноги, производитъ искры и блескъ, а пыльная щетка въ зубахъ искусника гуляетъ по лицамъ сидящихъ за очарованнымъ столомъ, и „навѣваетъ на нихъ дыханіе загробнаго міра". Улучивъ минуту наибольшаго напряженія сосѣдей, а слѣдовательно и наименьшаго контроля, медіумъ становится на стулъ, потомъ на столъ и ногой быстро проводитъ по лицамъ спиритовъ, сидящихъ рядомъ съ нимъ, отчего дѣйствительно получается впечатлѣніе полета. Что же касается появленія изъ-за занавѣса свѣтящихся лицъ и фигуръ, то этотъ пріемъ мы достаточно описывали по поводу разоблаченія „цвѣточнаго медіума" Анны Роде нѣмецкой полиціей. И здѣсь все дѣло лишь въ ловкости рукъ и извѣстной степени афекта спиритовъ.

Открытія, сдѣланныя „Patria", были своего рода Седаномъ для спиритическихъ кружковъ. Но они, конечно, не признали себя побѣжденными. Вазалло сослался на миланскіе сеансы Аксакова, дю-Прейля, Рише, Ломброзо, Чіапарелли, признавшихъ Евзанію необычайнымъ медіумомъ; цитировалъ Боско, Беллачини и другихъ искусниковъ, которые всѣ склонялись предъ авторитетомъ Евзаніи. Съ другой стороны, три ученыхъ выступили на поле битвы, и внесли немало цѣннаго матеріала въ спорную область. Генуэзскій профессоръ Маралуно полагаетъ, что инымъ медіумамъ дѣйствительно свойсвенна способность вызывать въ воображеніи другихъ тѣ образы, которые являются отзвукомъ далекаго прошлаго, т. е. такъ, какъ оно бываетъ во снѣ, отвлекать эти образы наружу, т. е. иначе матеріализовать ихъ. Конечно, о сверхъестественныхъ силахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Проф. Біанки (Неаполь) видитъ въ появленіи огней и стуковъ — приложеніе нервной энергіи медіума; а психіатръ Морзелли, недавно выпустивъ въ печать цѣлую книгу о спиритизмѣ, говоритъ слѣдующее: „Можно ли въ наше время отрицать гипнотизмъ, телепатію и пр.? Сила медіумическая еще не изслѣдована, но она несомнѣнно существуетъ". Тѣмъ не менѣе, ученый полагаетъ, что наука должна откинуть все таинственное, шарлатанское въ спиритизмѣ и подвергнуть явленія безпристрастной, всесторонней оцѣнкѣ, не допуская, повидимому, чтобы послѣ этой безпристрастной оцѣнки, спиритическія явленія обратились въ мыльный пузырь или весьма ловкія мошенническія продѣлки.

Эдуардъ VII и королева Александра.

Въ своей неизмѣнной любви къ принцу-супругу, покойная англійская королева писала послѣ рожденія перваго сына, нынѣ короля: „Господи, помоги ему во всемъ походить на отца". Велики были заботы о воспитаніи принца. Ближайшій совѣтникъ принца-супруга обработалъ цѣлую книгу, съ изложеніемъ началъ, которыя должны были быть положены въ основаніе его воспитанія. Лучшіе люди Соединеннаго королевства были призваны выростить тѣло и душу наслѣдника престола. Какимъ же вышелъ воспитанникъ! Исполнились ли мечты Викторіи?

Англійское общество раздѣляется не только по слоямъ, но и по множеству кружковъ. Въ каждомъ кружкѣ свое мнѣніе объ Эдуардѣ VII.

— „Его не трудно разгадать,—говорили одни о принцѣ Уэльскомъ, — принцъ — джентльменъ; въ этомъ его гордость и честолюбіе.

— „Но что такое собственно джентльменъ?

— „А что такое красивый цвѣтъ или сладкій вкусъ? Объяснить нельзя, можно чувствовать, видѣть. И въ лохмотьяхъ принцъ не утратилъ бы своего джентльменства.

— „Если бы англійская аристократія не имѣла принца Уэльскаго, она должна была бы выдумать его,—отзывался объ Эдуардѣ VII нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ изъ видныхъ представителей англійскаго высшаго общества, родомъ американецъ, въ бесѣдѣ съ журналистомъ,— бѣдная королева (Викторія) и не сознаетъ, какую поддержку, какого блестящаго представителя монархическаго принципа она имѣетъ въ сынѣ. Пока королева всецѣло предана своему вѣчному трауру, принцъ безъ устали работаетъ на трудномъ поприщѣ, чтобы восполнить ея пробѣлы. Въ теченіе одного сезона (это было въ 1890 г.) я видѣлъ его 28 разъ на гимнастическихъ праздникахъ, 30 разъ въ театрахъ и 40 разъ въ обществѣ. И это не шутка. Въ качествѣ свободнаго американца, долженствующаго презирать всякій блескъ и церемоніалъ (такъ по крайней мѣрѣ думаютъ въ Европѣ и пишутъ въ американскихъ прописяхъ) я могу оцѣнить, какое великое значеніе имѣютъ для общества пріемы, выѣзды, отличія, привилегіи. И увѣряю васъ, что въ кругу старинной аристократіи мы забываемъ и нашу гордость, и наше богатство. Принцъ Уэльскій—это некоронованный король Соединенныхъ Штатовъ. Нашъ президентъ — талантливый чиновникъ и честный человѣкъ, какъ и англійскій премьеръ — министръ, — оба принимаютъ уже пущенную въ ходъ машину. Но англичанинъ добивается взгляда принца Уэльскаго, чтобы почувствовать себя англичаниномъ, и въ Америкѣ настроеніе такое же. Кто никогда не былъ принятъ принцемъ, тотъ не человѣкъ общества. И принцъ знаетъ объ этомъ хорошо. Характеренъ афоризмъ записанный имъ въ альбомъ герцогини Файфской: „Я чувствую себя счастливымъ, когда свободенъ отъ обязанностей представительства, когда я могу забыть про свое „королевское высочество"; могу выкурить хорошую сигару и—признаться ли—прочесть романъ; когда въ качествѣ X. или У. я посѣщаю скачки, и въ завтрашнихъ газетахъ не значится: „Его королевское высочество принцъ Уэльскій изволилъ вчера проиграть на скачкахъ гораздо больше денегъ, чѣмъ онъ можетъ добыть", когда я здороваюсь съ противникомъ войны, и не разносится тотчасъ говоръ: „Принцъ Уэльскій убѣжденный противникъ войны"; когда съ женой и дѣтьми я мирно провожу дома вечеръ. И я чувствую себя несчастнымъ, когда страдаю отъ зубной боли, присутствую при какой-нибудь церемоніи и такъ привѣтливо улыбаюсь, какъ будто никогда и не испытывалъ никакихъ страданій".

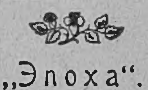
— „Тѣмъ не менѣе, — продолжалъ эту интересную характеристику американецъ,—его можно видѣть всюду, гдѣ надо положить начало благотворительному дѣлу, открыть храмъ науки, возложить отличіе за гражданскія доблести. Принцъ отличается тонкимъ врожденнымъ чувствомъ такта".

Многіе полагаютъ, что король Эдуардъ VII очень рѣдко проявлялъ темпе-

раментъ, какъ человѣкъ по натурѣ холодный, но это едва ли вѣрно: насколько онъ чиненъ и равнодушенъ во время церемоній, настолько былъ всегда веселъ, неутомимо забавенъ и предпріимчивъ въ частномъ кружкѣ. На обѣдахъ, пикникахъ, вечерахъ—онъ всюду бывалъ первымъ: и въ играхъ, и въ танцахъ, и въ бесѣдахъ, находя для каждаго ласковое словечко и привѣтливую улыбку.

Надо думать, что король Эдуардъ VII не позабылъ уроковъ, преподанныхъ ему епископомъ Вильбефоромъ, серомъ Джелломъ Кларкомъ, Чарлемъ Кингслеемъ и др. учеными наставниками его. Въ качествѣ наслѣднаго принца, онъ, конечно, не имѣлъ достаточно широкой арены, чтобы выступить въ качествѣ государственнаго дѣятеля. Но интересно отмѣтить, что въ немъ уживается, наряду съ энергіей, склонность къ желѣзной дисциплинѣ (короля прозвали въ близкихъ къ нему кругахъ—„англійскимъ Бисмаркомъ") и въ то же время уваженіе къ личности, чѣмъ и объясняется удивительно своевольныя, съ точки зрѣнія этикета, выходки его друзей. Такъ, о лордѣ Берсфордѣ разсказываютъ, что получивъ въ двѣнадцатомъ часу отъ принца приглашеніе къ обѣду, онъ отвѣтилъ ему телеграммой: „Очень сожалѣю, не могу пріѣхать: посылаю вранье въ письмѣ".

Королева Александра родилась въ Копенгагенѣ въ 1844 г. отъ брака герцога Христіана Шлезвигъ-Гольштейнскаго и Луизы, дочери ландграфа Гессенъ-Кассельскаго. Въ 1852 г. герцогъ былъ объявленъ наслѣдникомъ бездѣтнаго короля Фридриха VII; онъ переѣхалъ въ замокъ Бернстофъ, гдѣ принцесса Александра провела свое дѣтство и юность вплоть до выхода въ замужество. Въ 1860 г. она совершенно случайно встрѣтилась съ принцемъ Уэльскимъ на рейнскихъ маневрахъ. Повидимому, наслѣдникъ англійскаго престола плѣнился красотой и изяществомъ молодой дѣвушки. Воротившись въ Кембриджъ, онъ былъ разсѣянъ въ занятіяхъ, и не разъ возвращался въ бесѣдахъ съ друзьями къ интересующей его особѣ. Черезъ годъ онъ опять встрѣтился съ принцессой въ Гейдельбергѣ, и объяснился ей въ своихъ чувствахъ. Дочь герцога Христіана не встрѣтила этого объясненія сурово; отецъ ея, конечно, ничего не могъ бы возразить противъ такой блестящей партіи. Королева Викторія и принцъ-супругъ, хотя и предпочли бы, быть можетъ, имѣть невѣсткой принцессу изъ царствующаго дома, но сами знали всю прелесть брака по любви, и не противились. Бракосочетаніе принца Уэльскаго съ принцессой Александрой состоялось въ мартѣ 1863 года. Гостья была встрѣчена въ Лондонѣ очень привѣтливо и даже восторженно. Но скоро она завоевала по праву симпатіи англійскаго общества своимъ изяществомъ, дружелюбіемъ и добротой. Въ семейной жизни было не безъ тучекъ: особенно тяжелы были для принцессы Уэльской политическія событія, по поводу которыхъ она не могла не приходить въ столкновеніе съ королевой Викторіей. Такъ, прусско-датская война, вопреки ея убѣдительнымъ настояніямъ, не вызвала вмѣшательства англійскаго кабинета. Точно также въ 1870 г. пристрастіе Викторіи къ нѣмцамъ не позволило ей стать на сторону французовъ. Въ частности, принцесса Александра была большой поклонницей Гладстона, тогда какъ королева, мирясь съ необходимостью, только терпѣла его. Въ сферѣ не политической, серьезная размолвка вышла изъ-за локоновъ, на которые Александра ввела моду при дворѣ. Престарѣлая королева оказалась рьяной противницей этого новшества и всячески его бичевала. Вообще въ области модъ принцесса Уэльская оказалась законодательницей. Ея любимый цвѣтъ былъ и остался бѣлый; но въ Ирландіи она, изъ политическихъ соображеній, мѣняла его на зеленый. Дворъ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался и присматривался къ супругѣ наслѣднаго принца. Стоило ей, вслѣдствіе ревматическихъ болей, завести палку для гулянья, и вся знать ходила съ палками; ушибъ ли заставилъ ее хромать, всѣ вдругъ захромали; недавно, въ отсутствіе герцога и герцогини Іоркскихъ, королева выѣхала на прогулку съ внукомъ на рукахъ, и аристократы сбились съ ногъ, стараясь ей подражать и въ этомъ: у кого не было своихъ младенцевъ, тѣ доставали таковыхъ у родныхъ и знакомыхъ.

„Эпоха".

(Новое произведеніе бр. Маргеритъ).

Въ 47 лѣтъ Маргеритъ былъ уже генераломъ и слылъ однимъ изъ лучшихъ военачальниковъ второй имперіи. Поэтому, онъ въ числѣ первыхъ оправился во главѣ полка защищать Францію отъ нѣмцевъ, обѣщавъ двумъ своимъ мальчикамъ—Полю, 10 лѣтъ, и Виктору, четырехъ, - привести съ войны множество занимательныхъ вещей. Ему не удалось сдержать слово, такъ какъ подъ Седаномъ онъ былъ убитъ. Осиротѣвшіе мальчики не одинаково отнеслись къ этому событію въ ихъ жизни. Младшій еще не могъ оцѣнить значенія потери; но старшій умѣлъ уже сознательно плакать, и не могъ не понимать, сколько горя, но и величія въ такой смерти. Гордость своимъ именемъ—именемъ народнаго героя, которому по обѣ стороны Средиземнаго моря воздвигли памятники, проходила характерной нитью по всей ихъ юношеской жизни. Естественно, что всѣмъ поэтамъ оба предпочитали Поля Деруледа съ его пылкими пѣснями о реваншѣ.

Но годы измѣняютъ взгляды людей. Первоначально вступивъ на военную службу, сыновья генерала Маргерита скоро убѣдились, что о войнѣ пока нѣтъ и рѣчи; поэтому офицерская карьера ихъ не соблазнила. Старшій Поль посвятилъ отцу литературный памятникъ, подъ названіемъ „Mon père"; позднѣе онъ отдалъ себя исключительно литературѣ и написалъ рядъ романовъ и новеллъ. Однако, слава осѣнила его лишь тогда, когда въ сотрудничествѣ съ братомъ Викторомъ онъ осуществилъ сложное предпріятіе: въ формѣ романа описать франко-прусскую войну. Маргеритъ не могутъ стать наравнѣ съ Зола; но ихъ совмѣстный трудъ имѣетъ особенное значеніе, если сопоставить строго выдержанный объективный тонъ повѣствованія съ тѣми чувствами, какія должны были волновать авторовъ при разработкѣ слишкомъ близкаго имъ сюжета. Вѣдь они сыновья генерала, убитаго пруссаками, и гдѣ?—Подъ Седаномъ!

Романъ называется „Эпоха". Онъ открывается описаніемъ придворнаго праздника, на которомъ присутствуетъ графъ Дю-Брейль - главное лицо романа. Дю-Брейль является своего рода лѣтописецъ, онъ въ памяти своей запечатлѣваетъ событія этой „эпохи". Хотя авторы и приписали ему любовную интригу съ одной свѣтской дамой, а также, въ Метцѣ, любовь къ дѣвушкѣ, но ясно, что это лишь деталь, введенная для живости разсказа. Главное же содержаніе — война, ея прологъ и эпилогъ. Въ 33 года Дю-Брейль носитъ уже чинъ маіора; онъ вращается въ придворныхъ сферахъ, и имѣлъ неоднократно случай наблюдать императора, измученнаго и хилаго, и гордую красавицу императрицу, а вокругъ нихъ—изнѣженное, фривольное общество. Идутъ разговоры о настроеніи парижанъ, парламентской оппозиціи; съ улицы доносятся крики шовинистовъ; рента падаетъ на биржѣ; война чувствуется въ воздухѣ; въ военномъ министерствѣ неустанно работаютъ... но еще ничего не извѣстно опредѣленнаго, и лишь неясные слухи, проникая въ народъ, порождаютъ въ немъ опасное опьяненіе. Дю-Брейль не сразу попалъ на театръ военныхъ дѣйствій. Сначала его прикомандировали къ министерству и только вслѣдствіе ходатайства старика-отца передъ маршаломъ Конроберомъ, воинственный маіоръ могъ съ легкимъ сердцемъ отправиться къ арміи въ тотъ же день, когда выѣхалъ изъ Парижа императоръ и наслѣдникъ престола.

Наполеона провожаютъ къ арміи съ большой пышностью, но блескъ мундировъ не можетъ скрыть общей усталости. Императоръ вялъ; онъ сильно опустился, и вовсе не похожъ на героя, идущаго побѣждать. Дневной свѣтъ безпощадно выдаетъ румяна, подъ которыми хотятъ скрыть страхъ. Позднѣе, когда Наполеонъ съ сыномъ проѣзжалъ Метцъ, одна крестьянка будто бы сказала: „Эге, одинъ-то слишкомъ старъ, а другой еще зеленъ".

Неизвѣстность царитъ попрежнему. По всѣмъ дорогамъ тѣснятся люди, лошади, орудія, фуры. Иного слишкомъ много; иного совсѣмъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ нужно. То препятствія въ пути, то дыры, которыхъ нечѣмъ заштопать. Горизонтъ покрытъ тучами. Но гдѣ, когда произойдетъ встрѣча съ врагомъ? Его не видно, хотя онъ все видитъ и все знаетъ. Во французскомъ войскѣ только и говорятъ о соперничествѣ моршаловъ, о безпомощности самого императора, якобы руководящаго арміей.

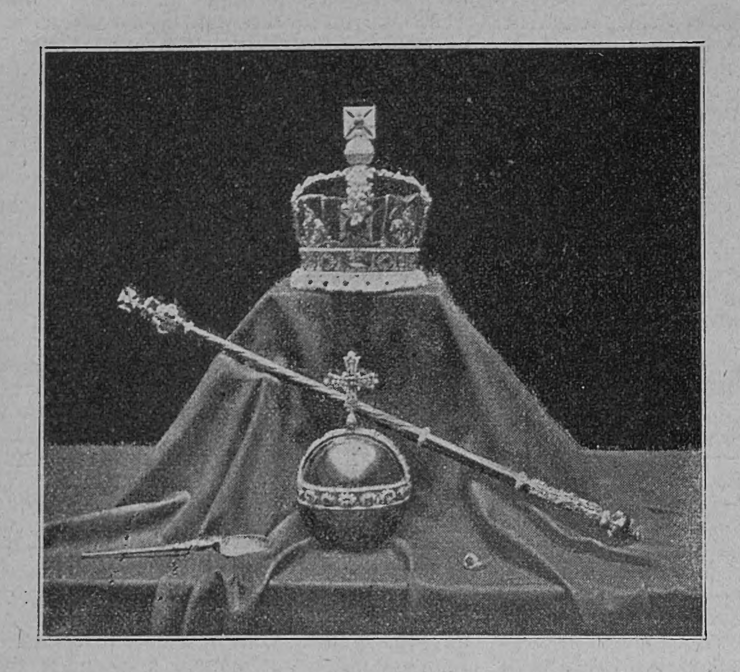
Романъ братьевъ Маргеритъ посвященъ именно паникѣ, охватившей французскую армію. Ея состояніе уподобляется тому, въ какомъ очутился бы человѣкъ, заброшенный на вершину вулкана, изъ котораго вотъ-вотъ начнется изверженіе. Два народа выступили другъ противъ друга врагами, и все спуталось въ нѣчто безформенное, безцѣльное, неуравновѣшенное...

Наконецъ, первая битва при Саарбрюкенѣ. Оффиціозы извѣстили въ Парижѣ о ней, какъ о громкой побѣдѣ. На самомъ дѣлѣ, это была лишь легкая ошибка, съ нѣсколькими ранеными и убитыми.. Потомъ послѣдовалъ рядъ настоящихъ сраженій. Нѣтъ надобности подробно пересказывать содержаніе „Эпохи". Оно достаточно знакомо русскому читателю и по историческимъ фактамъ, и по „Debacle" Э. Зола. Но произведеніе бр. Маргеритъ, помимо указанной выше интересной субъективной особенности, заключаетъ въ себѣ не мало занимательнаго: сцены съ театра войны, въ которыхъ яркими красками рисуются ужасы войны, характеристики Наполеона и его ближайшихъ сотрудниковъ; и много страницъ, проникнутыхъ теплымъ чувствомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что въ авторахъ если и не погасъ совсѣмъ отзвукъ минувшихъ чувствованій, то, во всякомъ случаѣ, отъ былого шовинизма не осталось и слѣда. Добавимъ, что книга бр. Маргеритъ встрѣчена съ большимъ интересомъ въ Германіи, гдѣ критика хочетъ видѣть въ ней доказательство вымиранія идей о реваншѣ и залогъ благопріятнаго для нѣмцевъ настроенія въ сосѣдней націи.

Смертная казнь въ Тунисѣ.

(Впечатлѣнія очевидца).

Шесть часовъ утра, но на маленькомъ тунисскомъ вокзалѣ, откуда поѣздъ отходитъ въ Марсу—много народу. Въ Марсѣ должна совершиться казнь двухъ арабовъ. Отрядъ полицейскихъ—въ голубыхъ кепи съ серебрянымъ полумѣсяцемъ или въ красныхъ фескахъ; туземцы въ

Англійскія королевскія регаліи, приготовленныя къ обряду коронованія.

Севастопольскій герой адмиралъ П. С. Нахимовъ.
Къ 100-лѣтію со дня рожденія.

бурнусахъ; женщины, укутанныя въ чадры съ корзинами хлѣба и фруктъ—всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ поѣзда. Въ длинныхъ бѣлыхъ бурнусахъ, съ капишонами, всѣ въ красныхъ платьяхъ, отдѣланныхъ золотомъ, съ кривыми саблями на боку—военные, вѣроятно офицеры, занимаютъ мѣста въ вагонахъ.

— Это не офицеры, а парадные палачи, — говоритъ знатокъ мѣстныхъ обычаевъ.

Дѣйствительно, эти нарядные мужчины должны, по этикету, окружить осужденныхъ, когда они предстанутъ предъ его высочествомъ — Али-беемъ. До самой казни имъ дѣла нѣтъ: ее выполнитъ спеціальный палачъ, туземецъ, получающій за то рублей сорокъ въ годъ и по профессіи собственно содержатель веселаго дома. Впрочемъ, въ Тунисѣ двое палачей: одинъ французскій — для гильотинируемыхъ по приговорамъ суда присяжныхъ, и другой—для висѣлицы, на которую идутъ туземцы, виновные въ „удзара", т. е. въ убійствѣ туземца же.

За что сегодня будутъ казнены два человѣка? Конечно, за какое-нибудь банальное преступленіе. Никто не помнитъ, что именно они совершили. Но законъ мусульманскій неумолимъ. Пролитая кровь взываетъ о крови. Каковы бы ни были убійцы или смягчающія вину обстоятельства, его участь неизмѣнна, развѣ только родичи убитаго согласятся на денежное вознагражденіе. Самъ бей не въ правѣ помиловать виновнаго.

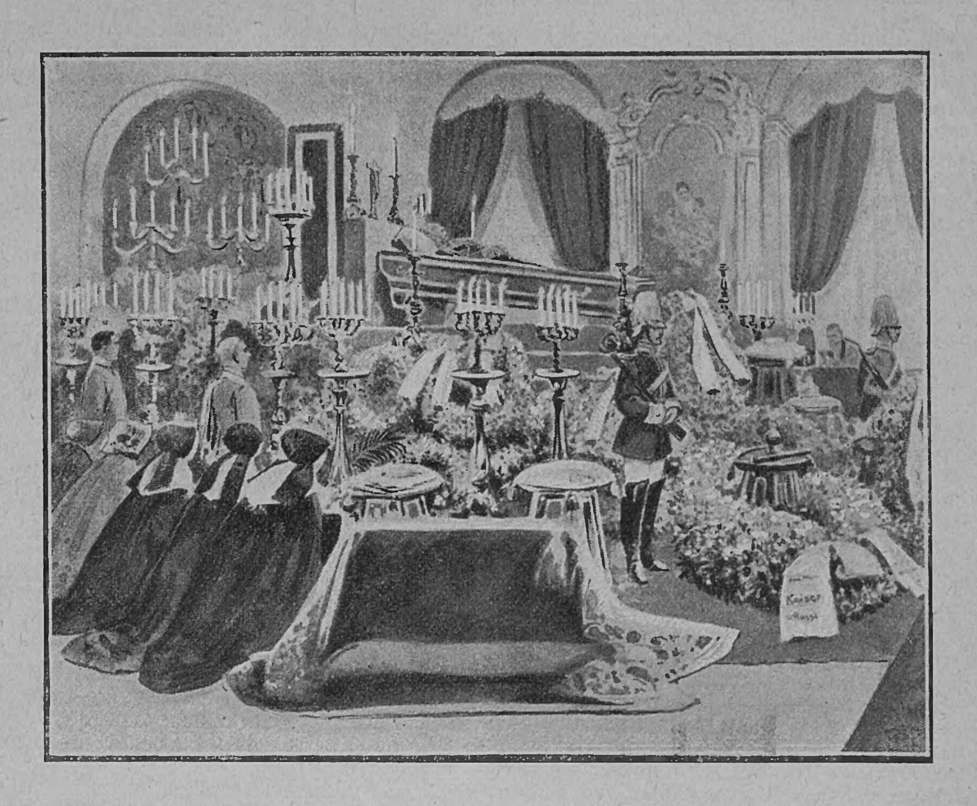
Вотъ поѣздъ подошелъ къ Марсѣ—прелестной деревушкѣ на морскомъ берегу—нынѣшней резиденціи Али-бея. Прежде онъ жилъ во дворцѣ Бардо, но чувствуя приближеніе смерти, перебрался сюда. Вокругъ дворца раскинулась деревня съ изящными бѣлыми домиками, бѣгущими вдоль ровныхъ улицъ къ пляжу. Въ дворцовомъ дворѣ толпа туземцевъ, пѣшихъ и конныхъ солдатъ, женщинъ и дѣтей. Изъ дворца доносятся глухіе удары барабана. Народъ все прибываетъ. Въ толпѣ мелькаетъ то пестрый бурнусъ важнаго евнуха, то колпакъ шута; да, при этомъ восточномъ князѣ есть еще и шутъ.

Гости, прибывшіе въ Лондонъ для присутствованія на коронаціи

М. Н. Загоскин

Извѣстный писатель
М. Н. Загоскинъ.
Къ 50-лѣтію со дня его смерти, 23-го іюня.

Саксонскій король Альбертъ въ гробу.

Пройдя недлинный переулокъ, можно увидѣть красноватыя ворота тюрьмы. За ними—обширная площадка, раскаленная отъ солнца, заполненная ослами и рыжими собаками и всяческими отбросами, а въ сторонѣ, выходящей на эту площадку, родъ ниши, изобилующей нечистотами и глиной, тамъ-то и лежатъ несчастные, приговоренные къ казни, съ колодками на рукахъ. Безмолвные, неподвижные, они походятъ на бронзовыя изваянія. Младшій—еще совсѣмъ юноша, старшему—подъ сорокъ. При входѣ стражи, послѣдній подымаетъ глаза и долго, въ упоръ смотритъ; и въ глазахъ его будто бы свѣтится не то надежда, не то мольба. Но уста его не размыкаются.

Наканунѣ ночью преступниковъ доставили изъ Туниса, гдѣ они содержались въ тюрьмѣ; они знаютъ, что ихъ ждетъ висѣлица; но ничто не выдаетъ ихъ волненія, ихъ думы. Они прислушиваются къ шумнымъ играмъ дѣтей за стѣной, рокоту моря, всматриваются въ переливы солнечныхъ лучей на пескѣ, но взоръ ихъ устремленъ, повидимому, куда-то дальше—чего не увидѣть человѣку, далекому отъ мысли о смерти.

Узниковъ спрашиваютъ объ именахъ. Они отвѣчаютъ кратко, но явственно и твердо. Младшаго зовутъ — Мессаудъ-

Шалькъ-Бургеръ. Ген. Бота. Рейцъ. Ген. Деларей. Лука Мейеръ.

Мильнеръ. Китчинеръ. Ген. Деветъ. Юджъ Герцогъ.

Послѣдній актъ южно-африканской трагедіи.—Генералъ Деветъ составляетъ условія мирнаго договора.

бенъ-Барекъ-бенъ-Насеръ, старшаго Эль-Таибъ-бенъ-Гаджи-Саидъ-бенъ-Асизъ. Имена вписываютъ въ особый листъ. Преступленія, за которыя они осуждены на смерть, оказывается, не новы и не интересны: Мессаудъ совершивъ кражу и убилъ; а Эль-Таибъ—тоже убилъ—соперника старше его годами, чтобы одному насладиться любовью женщины.

Вокругъ тюрьмы въ народѣ идутъ самые оживленные толки: говорятъ о томъ, что всѣ переговоры съ родичами убитыхъ ни къ чему не привели, и тѣ требуютъ во что бы-то ни стало пролитія крови за кровь. Еще говорятъ о болѣзни бея; онъ не выйдетъ во дворъ, и церемонія совершится во дворцѣ. Давно уже бей не бывалъ въ саду своемъ, гдѣ столько интересныхъ звѣрей и птицъ въ золоченныхъ клѣткахъ влачатъ жалкое существованіе, изнывая отъ тоски и неволи. Повелитель состарился, и повсюду воцарились тишина и мертвящая скука.

Звучитъ своеобразная музыка: это зоря и сигналъ къ началу казни. Трубы, цимбалы и флейты издаютъ звуки рѣзкіе, но въ то же время пріятные въ причудливомъ для европейца сочетаніи тоновъ. Позади музыкантовъ выстроились войска съ красными знаменами, украшенными полумѣсяцемъ и большимъ шаромъ изъ желтой кожи. За прикрытыми зелеными ставнями окнами нижняго этажа чудятся чьи-то глаза; это, вѣроятно, жены бея, обреченныя на постоянное заключеніе.

Пробилъ барабанъ—музыка смолкла. Прибылъ первый министръ. Вслѣдъ за нимъ, по узкому, полутемному корридору, устремляются зрители; давка усиленная. Въ очень длинномъ, но не широкомъ залѣ парадные асистенты казни выстраиваются шеренгой; позади ихъ офицеры штаба, съ орденами Нишама въ петлицахъ... Въ самой глубинѣ зала, гдѣ царствуетъ полумракъ, виднѣется въ нишѣ неопредѣленная бѣлая фигура; она кажется совсѣмъ маленькой. Это бей.

Онъ въ бѣлой „гандура" (плащѣ), на головѣ красная „регія"; у него небольшая сѣдая борода. Можно подумать, что бей приросъ къ своему трону, неподвижный, величавый, но печальный. Въ залѣ тишина. Всѣ ждутъ.

Часы преступниковъ сочтены. Но и бею жить не долго; въ немъ жизнь едва теплится. „Судьба!"—говорятъ на Востокѣ.

Изъ залы въ залъ, подъ сводами несется протяжный крикъ араба—„ба-шамбы", начальника Ужака: онъ призываетъ осужденныхъ. Толпа раздается въ стороны, и двое дюжихъ спаговъ въ голубыхъ бурнусахъ приводятъ одного изъ преступниковъ—младшаго. Онъ идетъ твердымъ шагомъ, не глядя по сторонамъ, и кланяется бею. Бѣлая фигура начинаетъ слегка шевелиться. И слабо, слабо доносится ея голосъ:

— Что побудило тебя пролить кровь?

Осужденный отвѣчаетъ; онъ отрицаетъ свою виновность; его отвѣтъ коротокъ: онъ не убивалъ. Также коротко звучатъ слова бея:

— Увести его!

И это окончательный приговоръ.

Приводятъ второго. Онъ идетъ такимъ же увѣреннымъ, спокойнымъ шагомъ, какъ и его товарищъ. Голоса бея уже не слышно. Онъ усталъ или разстроенъ. Преступника увели, и офицеры проходятъ передъ трономъ, кланяясь бею и неподвижно стоящимъ позади него принцамъ, или цѣлуя ему руку. Повелитель Туниса отвѣчаетъ имъ усталымъ кивкомъ головы...

За дворцовымъ садомъ простирается поле, обсаженное оливковыми деревьями и кактусами. Овцы и бараны мирно пасутся тамъ: арабъ гоняетъ лошадь вокругъ колодца; работа серьезна, и нельзя отъ нея отрываться. Посреди поля солдаты стали въ кругъ; въ центрѣ висѣлица, деревянный прямоугольникъ въ нѣсколько аршинъ вышины; къ ней ведутъ ступеньки. Солдаты стоятъ къ висѣлицѣ спиной: опираясь на ружья, они равнодушно бесѣдуютъ о своихъ дѣлишкахъ. Невдалекѣ остановилось нѣсколько ландо съ поднятымъ верхомъ; это жены бея или принцы. Палачъ въ розовой курткѣ и бѣлыхъ штанахъ осматриваетъ веревки и приготовляетъ петлю.

Казнь перваго преступника совершилась очень быстро. Съ завязанными глазами Мессаудъ сталъ на небольшой трапъ... и вотъ ужъ его тѣло раскачивается изъ стороны въ сторону. Придерживаютъ его за бока. Врачъ-арабъ съ часами въ рукѣ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы не сняли повѣшаннаго раньше времени: были случаи, когда казненные оживали. Конечно, такихъ вторично не вѣшали, смертная казнь замѣнена имъ вѣчной каторгой. Но прошло двадцать минутъ—смерть несомнѣнно наступила. Тѣло кладутъ на носилки и уносятъ.

— Постойте, — кричитъ палачъ, — мой платокъ!

Ему отдаютъ бѣлый съ красными полосками платокъ, которымъ отирали лицо мертвецу. Онъ суетъ его въ карманъ.

Второй преступникъ долго молился, прижавъ къ груди скованныя руки.

— Кто выроститъ моихъ дѣтей?—вдругъ спросилъ онъ.

Но не получивъ отвѣта, опять сталъ молиться. Неподвижный, повидимому, совершенно равнодушный къ ожидавшей его смерти, этотъ арабъ являлъ собой чудесный образчикъ восточнаго фанатизма. О чемъ ему было горевать и терзаться, если Аллахъ предопредѣлилъ его участь?

Съ сухимъ трескомъ открылся трапъ. Молитвенно сложенныя руки разжались; тѣло вытянулось...

Казнь окончена. Народъ медленно расходится, толкуя о многомъ... но меньше всего о жестокомъ зрѣлищѣ, которое онъ только что наблюдалъ.

Разводъ князя монакскаго.

Уроженка Новаго Орлеана (Шт. Луизіана) и родственница Генриха Гейне, нынѣшняя княгиня Монакская, вышла замужъ на шестнадцатомъ году за отпрыска родовитой французской фамиліи, герцога Ришелье. Немного времени спустя, герцогъ умеръ, оставивъ вдову свою въ томъ возрастѣ, когда обыкновенно еще собираются выходить замужъ. Молоденькая герцогиня, американскаго воспитанія, владѣлица двухъ большихъ состояній, мать двоихъ дѣтей, продолжала жить въ Парижѣ, и въ теченіе девяти лѣтъ хранила вѣрность вдовьимъ обѣтамъ. Потомъ она вышла замужъ за князя Альберта Монакскаго, и стала повелительницей княжества, имѣющаго, правда, не болѣе полумили въ квадратѣ. Мужъ ея, человѣкъ, занятый вопросами науки, находилъ, однако, досугъ для того, чтобы быть галантнымъ съ женой, и вначалѣ жизнь текла недурно. Позже геологическія и гидрографическія изслѣдованія приковали все вниманіе князя къ морскимъ глубинамъ, и онъ не замѣчалъ, что жена его томится и, первый опасный признакъ, впадаетъ въ расточительныя затѣи. Она стала покровительствовать искусствамъ, и по ея инціативѣ возникъ театръ въ Монте-Карло, который стяжалъ себѣ славу красотой внутренней и внѣшней отдѣлки и подборомъ лучшихъ европейскихъ артистовъ. Но искусства скоро наскучили жизнерадостной княгинѣ, и сердце ея, тосковавшее по священному пламени любви, забилось вдругъ въ такомъ учащенномъ темпѣ, какой не допущенъ ни въ одномъ придворномъ регламентѣ. Въ Лондонѣ ей представленъ былъ артистъ: сеньоръ де-Лара, по имени Исидоръ, по національности португалецъ, по профессіи композиторъ изъ разряда неоцѣненныхъ и непонятыхъ. Онъ излилъ передъ княгиней сердце, наболѣвшее отъ ударовъ, причиненныхъ ему профанами, и надо думать, исповѣдь была достаточно пылкая, такъ какъ она искрой запала въ душу княгини и вызвала пожаръ, опять-таки не предусмотрѣнный этикетомъ княжескихъ дворовъ. Съ этой поры для композитора, хотя и Исидора, потекли дни сладкіе. Его оперы увидѣли рампу театра Монте-Карло; ихъ постановка обошлась очень дорого, изъ Парижа привезли въ экстренномъ поѣздѣ нѣсколькихъ знаменитыхъ критиковъ, поили, кормили ихъ, очаровывали княжеской лаской, потомъ отвезли въ такомъ же экстренномъ поѣздѣ въ Парижъ и, вѣроятно, вознаградили за безпокойство. Критики, однако, оказались изъ неблагодарныхъ профановъ, и творческаго величія сеньора Лара не оцѣнили. Тѣмъ не менѣе, Лара получилъ мифическій постъ при театрѣ, съ очень реальнымъ окладомъ, тысячъ въ сто ежегодно. Любовь слѣпа, а люди зрячи и злы. Князь Монакскій рѣшилъ развестись съ женой, и мѣстный судъ, въ тайномъ засѣданіи, постановилъ соотвѣтствующее рѣшеніе. Отъ брака съ герцогиней Ришелье князь имѣетъ сына, который и долженъ унаслѣдовать корону и власть надъ 15,000 подданныхъ. Такимъ образомъ, закончилась вторая глава брачной жизни князя. Первая, какъ извѣстно, также завершилась разводомъ. Едва ли князь не утратилъ еще охоты приступить къ третьей.

Князь монакскій Альбертъ.

Княгиня монакская Алиса.

ИЗЪ ЖИЗНИ БЕЛЬГІЙСКАГО ДВОРА.

Все чаще и печальнѣе становятся извѣстія о состояніи здоровья бельгійской королевы. Напрасно въ придворныхъ кругахъ Брюсселя такъ долго отрицали болѣзнь ея. Теперь офиціальные источники свидѣтельствуютъ о томъ, что королева страдаетъ рѣзко выраженнымъ порокомъ сердца, и на выздоровленіе нѣтъ надежды.

На шестьдесятъ шестомъ году королева Генріета имѣетъ право чувствовать себя утомленной жизнью, которая сложилась для нея очень печально. Единственный сынъ умеръ рано. Одна дочь—была женой злополучнаго кронпринца Рудольфа; другая—Луиза Кобургская испытала самыя тяжкія невзгоды, какія могутъ прійтись на долю женщины, и, въ концѣ-концовъ, лишена была свободы.

Насколько королева чувствительна къ семейнымъ горестямъ, настолько философски равнодушенъ къ нимъ король Леопольдъ, котораго злые языки прозвали „Клеопольдъ" за излишнее пристрастіе къ извѣстной танцовщицѣ Клео-

де-Меродъ. Въ особенности рѣзко проявилось разногласіе супруговъ, когда возникъ вопросъ о судьбѣ ихъ младшей дочери. Принцесса Луиза была несчастна въ бракѣ своемъ, и жизнь при вѣнскомъ дворѣ ее такъ тяготила, что она рѣшилась на поступокъ, несовмѣстимый съ придворнымъ этикетомъ: крадучись выбравшись изъ дворца, она, подобно совсѣмъ простой смертной, уѣхала въ обыкновенномъ вагонѣ желѣзной дороги въ замокъ Лекенъ, гдѣ жили король и королева. Въ ночную пору привратники не захотѣли впустить подозрительную особу, что именовала себя „королевской дочерью!" Но, по счастью, одинъ изъ караульныхъ офицеровъ призналъ бѣглянку, и тотчасъ распорядился разбудить королевскую чету. Разыгралась короткая, но потрясающая сцена. Несмотря на мольбы дочери, Леопольдъ рѣшительно воспротивился ея желанію остаться въ родительскомъ домѣ, и приказалъ ѣхать обратно въ Вѣну. На утро принцесса уѣхала. Потянулись для нея тяжелые дни. Потомъ ея имя облетѣло Европу вмѣстѣ съ соблазнительной сплетней: принцесса увлеклась адъютантомъ мужа—Матакичемъ, не скрывала своей связи, стала очень расточительной, и, наконецъ, въ качествѣ душевно-больной, была помѣщена въ психіатрическое заведеніе. Матакичъ, обвиненный въ поддѣлкѣ документовъ, угодилъ въ тюрьму.

Всѣ эти передряги тяжело отразились на королевѣ Генріетѣ, и положили начало ее недугу или, быть можетъ, только развили его. Король же Леопольдъ появлялся въ это время на всѣхъ модныхъ купаніяхъ и въ поэтическихъ уголкахъ строилъ себѣ виллы. Одна изъ нихъ красуется близь Вилла-Франка, на высокомъ утесѣ, омываемомъ голубыми волнами плѣнительнаго моря. Оливки и сосны, лавры и магноліи наполняютъ воздухъ кругомъ несказаннымъ благоуханіемъ. У подножія скалы тихо покачивается яхта короля, всегда готовая отплыть въ увеселительную прогулку... И въ этотъ райскій уголокъ почти не доходятъ грустныя вѣсти; здѣсь нѣтъ мѣста и тяжелымъ воспоминаніямъ...

Таковы извѣстія, появившіяся въ послѣднее время въ иностранной печати объ интимной жизни бельгійскаго двора.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ЭМИГРАНТЫ.

Рѣдко пассажирскій пароходъ возбуждалъ такое вниманіе въ нью-іоркскомъ портѣ, въ городѣ и мѣстной печати, какъ прибывшая изъ Гамбурга „Абиссинія".

На ней пристали къ американскому берегу сотни жителей тропическихъ и иныхъ странъ, чтобы украсить своими именами программы цирковъ и звѣринцевъ. Пароходъ, подъ командой капитана Кюльвейна, пересѣкъ океанъ въ четырнадцать дней. Въ спискѣ пассажировъ значатся: 12 слоновъ, 207 хвостастыхъ и безхвостыхъ обезьянъ, 4 верблюда, 2 дромадера, 5 тигровъ, 4 пантеры, 2 ламы, 4 кондора, 2 антилопы, 1 бѣлый медвѣдь, 4 морабу, 3 зебра, 8 огромныхъ змѣй, 2 ящерицы, 6 кукушекъ, 3,000 канареекъ, 3 лошади, 3 индійскихъ леопарда, 6 экземпляровъ русскаго краснаго звѣря, 1 пудель, 2 пумы, 2 совы и т. п. Заключенные въ клѣтки и просторные трюмы, пассажиры Абиссиніи привѣтствовали берегъ оглушительнымъ ревомъ, гамомъ, визгомъ, свистомъ, мяуканьемъ и плачемъ. Посѣтителю, отважившемуся взойти на пароходъ, приходилось напречь все вниманіе, чтобы не наступить на хвостъ змѣи, не получить царапины отъ когтей тигра, не испробовать хобота слона, и уйти отъ ласковыхъ, но назойливыхъ поцѣлуевъ дромадеровъ. Бородатые, смуглолицые проводники принуждали звѣрей сойти на берегъ, но четвероногія не соглашались на это, и выходили крупныя недоразумѣнія.

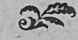
Пассажиры „Абиссиніи" совершили переѣздъ изъ Гамбурга при сравнительно тихой погодѣ. Тѣмъ не менѣе, многіе звѣри страдали отъ морской болѣзни. По словамъ капитана, хуже всѣхъ переносятъ морское путешествіе обязьяны: онѣ бѣгаютъ въ смятеніи, ломаютъ себѣ руки, хватаются за бока, стонутъ и жалуются. Затѣмъ—слоны, но эти великаны въ общемъ терпѣливы и мало-по-малу свыкаются съ невзгодами моря. Но порою, во время волненія, они принимались трубить съ необыкновенной энергіей. Особенно много хлопотъ причинили двое изъ нихъ, Бастель и Крикунъ—слонята нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду. Имъ предоставили сначала полную свободу, но скоро раскаялись въ такой неосторожности. Бастель принялся изслѣдовать устойство пароходной машины и сломалъ 2—3 вентилятора, а Крикунъ восчувствовалъ такую ненависть къ собакамъ, что при встрѣчѣ съ однимъ терьеромъ поднялъ цѣлый скандалъ, совершенно несовмѣстимый съ пароходной дисциплиной. Впрочемъ, самый низкій баллъ за поведеніе выставленъ капитаномъ Кюльвейномъ нашему родичу—бѣлому медвѣдю. Почтенный звѣрь не могъ примириться съ дорожными неудобствами и, страдая отъ морской качки, буянилъ безъ устали. Пришлось переселить его на верхнюю палубу, гдѣ холодъ, повидимому, благопріятно дѣйствовалъ на медвѣжьи нервы.

ИНДІЙСКІЙ КНЯЗЬ ВЪ ДОРОГѢ.

Въ Доверѣ видали не мало иноземцевъ. Къ ихъ странностямъ и причудамъ давно привыкли. Тѣмъ не менѣе, прибывшій на-дняхъ индійскій магараджа привлекъ всеобщее вниманіе. Ѣхалъ онъ на коронацію въ Лондонъ. Немного раньше по этому же пути пріѣхалъ негритянскій король Леваника, представитель своеобразной цивилизаціи новѣйшаго образца; о немъ мы сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія въ прошломъ нумерѣ „Огонька". Магараджа являлъ собою образецъ древнѣйшей въ мірѣ культуры, столь же различной отъ нашей, какъ различны европейскій архитектурный стиль, готическій или римскій, отъ фантастическихъ созданій индійскаго строительнаго искусства. Магараджа прибылъ съ далекой родины на собственномъ пароходѣ, — роскошь, доступная только инымъ монархамъ. На Доверскій молъ выгрузили шестьсотъ сундуковъ: ихъ окружили 132 темнолицыхъ служителя. Два часа потребовалось для перегрузки багажа въ спеціальный поѣздъ, ожидавшій князька. Самымъ драгоцѣннымъ грузомъ были огромные боченки съ освященной водой для обмываній. Цѣпь полицейскихъ не подпускала зрителей къ этимъ боченкамъ. Воды должно хватить на все путешествіе. Цѣлое отдѣленіе поѣзда отведено кумирамъ и жрецу-брамину, совершающему предъ ними обряды.

КОРОНАЦІОННЫЕ БРИЛЛІАНТЫ.

Чьи брилліанты во время коронаціонныхъ празднествъ въ Лондонѣ, нынѣ отложенныхъ вслѣдствіе болѣзни короля, будутъ наилучшими. Вопросъ, этотъ сильно волновалъ англійскую знать. Въ самомъ дѣлѣ, все, что есть драгоцѣннаго, блистало бы въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Съ королевскими камнями соперничали бы брилліанты частныхъ лицъ—перовъ, иностранныхъ гостей, посланницъ и аристократокъ-милліонерокъ. Если брилліанты королевской четы не такъ великолѣпны, какъ знаменитый „Орловскій" камень, то они все же достойны вниманія знатоковъ: историческій грушевидный рубинъ, который украшалъ шлемъ „Чернаго Рыцаря" (короля Ричарда-Львиное Сердце) въ битвахъ при Кресси и Пуатье; брилліантъ „Питъ" или „Регентъ", снятый съ эфеса шпаги Наполеона I, и коиноръ, блистающій въ коронѣ королевы Александры. Ей принадлежатъ въ качествѣ частной собственности и очень цѣнные брилліанты; но рубины и изумруды уступаютъ тѣмъ, что носятъ жены иныхъ перовъ. „Жемчугъ-Вандербильдтъ" составляетъ завидное достояніе молодой герцогини Мальборо; прежде его носила Марія-Антуанета; онъ принадлежалъ французской казнѣ. Трудно опредѣлить стоимость этого жемчуга: отдѣльныя нитки оцѣниваются въ полмилліона рублей. Кромѣ того, на герцогинѣ будетъ и брилліантовая діадема—подарокъ мужа. Графиня Грей недавно заказывала парижскимъ ювелирамъ совершенно новую оправу для своихъ камней; нитка ея жемчуга оцѣнивается въ 150—200 тыс. рублей. Маркизѣ Лондондери принадлежатъ восемь драгоцѣнныхъ уборовъ; графинѣ Абердинъ—пять величайшихъ въ мірѣ изумрудовъ; графинѣ Ильчедеръ—нить чернаго жемчуга, за которую не дорого заплатить и полтораста тысячъ; не такъ давно онъ красовался на императрицѣ Евгеніи.

ЧТО ДѢЛАЕТСЯ НА ЛУНѢ.

Англійскій профессоръ астрономіи Пикерингъ, тщательно изслѣдовавшій поверхность луны, пришелъ къ убѣжденію, что на ней не совсѣмъ прекратилась вулканическая дѣятельность. Онъ исходитъ изъ того факта, что въ извѣстныхъ кратерахъ имъ замѣчены новыя, раньше не наблюдавшіяся явленія. Иные маленькіе кратеры исчезли; зато въ другихъ мѣстахъ появились новые. На горныхъ вершинахъ и кратерахъ погасшихъ вулкановъ виднѣются странныя бѣлыя пятна, которыя можно принять за снѣгъ или иней. Измѣненія въ экваторіальной области указываютъ, повидимому, на возможность чего-то близкаго къ растительной формѣ органической жизни. Между тѣмъ, ни растительная, ни животная жизнь на лунѣ немыслима. Смѣна длиннаго трехсотчасоваго дня такой же трехсотчасовой ночью, неумѣреннаго холода—палящей жарой превосходитъ самую сильную земную натуру и исключаетъ наиболѣе примитивныя формы существованія. Но все же способность приспособленія, судя по наблюденіямъ Пикеринга, такъ велика, что можно идти далеко за предѣлы знакомой намъ жизнеспособности и допустить ее для обитателей луны.

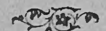

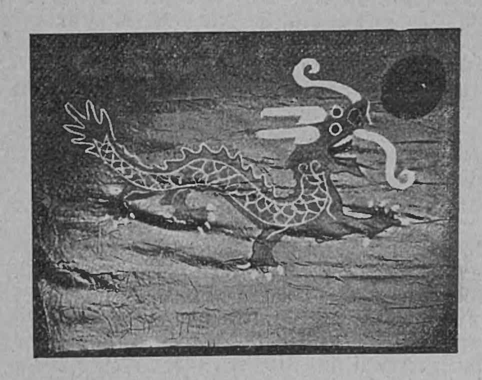
ДОРОГАЯ ВОЙНА.

Итоги затихшей борьбы буровъ и англичанъ еще не подведены полностью, но можно безошибочно утверждать, что война въ Южной Африкѣ превзошла всѣ предыдущія войны по матеріальнымъ жертвамъ, которыя были ею вызваны. По даннымъ, опубликованнымъ британскимъ военнымъ министерствомъ по конецъ марта, т. е. за тридцать мѣсяцевъ военныхъ дѣйствій, израсходовано 3,450 милліоновъ: 3,130—на армію, 320—на побочныя статьи. Если бы миръ не былъ заключенъ до сентября, цифра расходовъ достигла бы пяти милліардовъ!

Съ 1 октября 1899 г. по октябрь 1901 г. выдано было на содержаніе войскъ 2,470 милліоновъ, изъ нихъ: 494 на жалованье офицерамъ и солдатамъ, 568 на перевозку, 206 на ремонтъ, 600 на кормъ и фуражъ и 146 на амуницію, 338 на снаряды и матеріалы, 118 на крѣпостныя работы. Съ сентября 1899 г. было выдано 450,000 ружей и 240.000,000 патроновъ.

Если сопоставить южно-африканскія военныя дѣйствія съ самой значительной изъ войнъ послѣдняго полустолѣтія — франко-прусской, то мы увидимъ слѣдующее: ежедневный расходъ на нѣмецкую армію въ 1870—71 г.г. выражался въ 3.17 милліона въ день, или 3 рубля на солдата, а у англичанъ—1.72 милліона, или 9½ руб. на человѣка въ день! Такія цифры впервые занесены въ военныя лѣтописи.

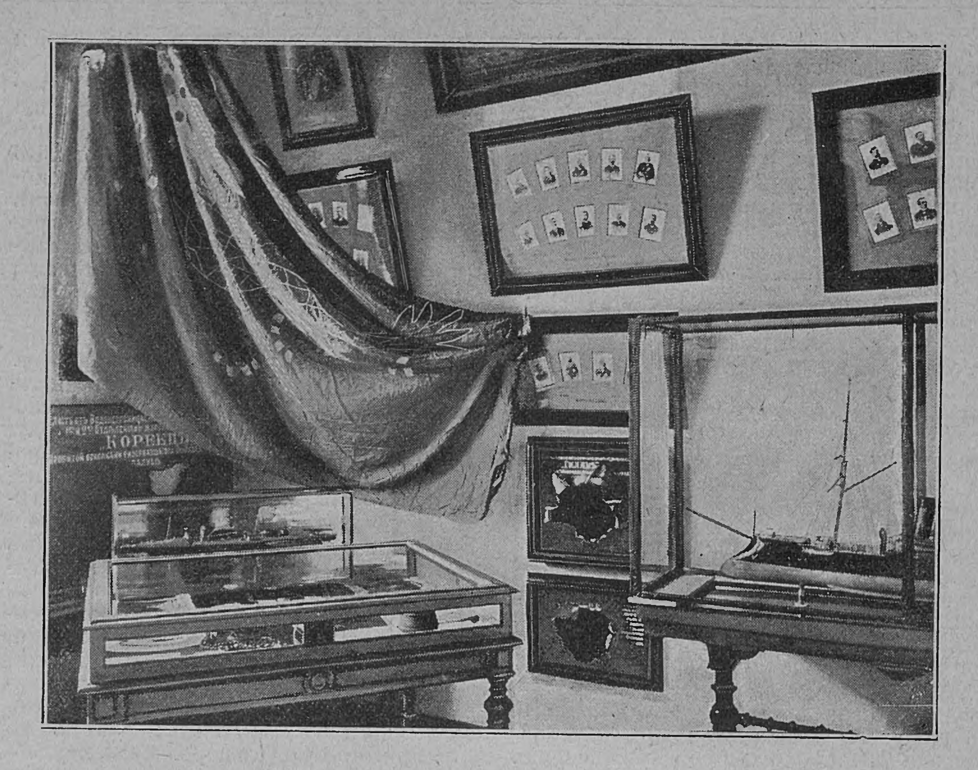

Китайское знамя въ развернутомъ видѣ.

Знамя взято мичманомъ Славинскимъ съ китайскаго судна „фій-Įингъ" при атакѣ Таку.

Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

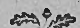
Китайскія трофеи въ морскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

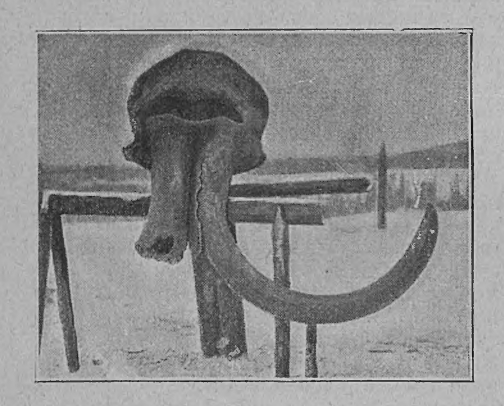
Знамя съ китайскаго военнаго судна „фій-Įингъ" и куски брони судна „Гилякъ" съ пробоиной.

Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

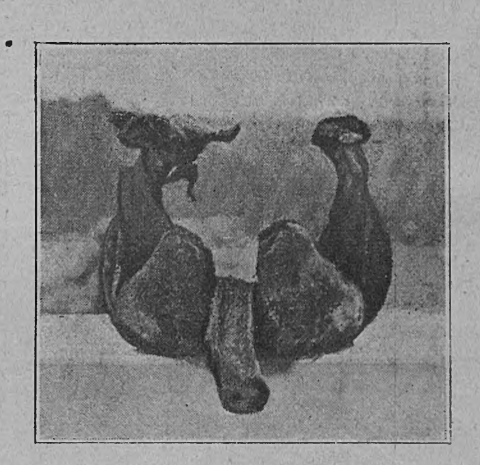
Экспедиція для раскопки трупа мамонта.

Въ свое время въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" сообщены были нѣкоторыя свѣдѣнія о мамонтѣ, откопанномъ въ Сибири и доставленномъ въ с.-петербургскій зоологическій музей. Въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ заимствуемъ теперь нѣкоторыя иллюстраціи изъ отчета экспедиціи, на дняхъ вышедшаго изъ печати и доставленнаго намъ. Экспедиція сопряжена была съ большими трудностями, продолжалась около десяти мѣсяцевъ и обошлась почти въ 20,000 рублей. Наши рисунки иллюстрируютъ положеніе мамонта на мѣстѣ раскопки, на рѣкѣ Березовкѣ, правомъ притокѣ р. Калымы.

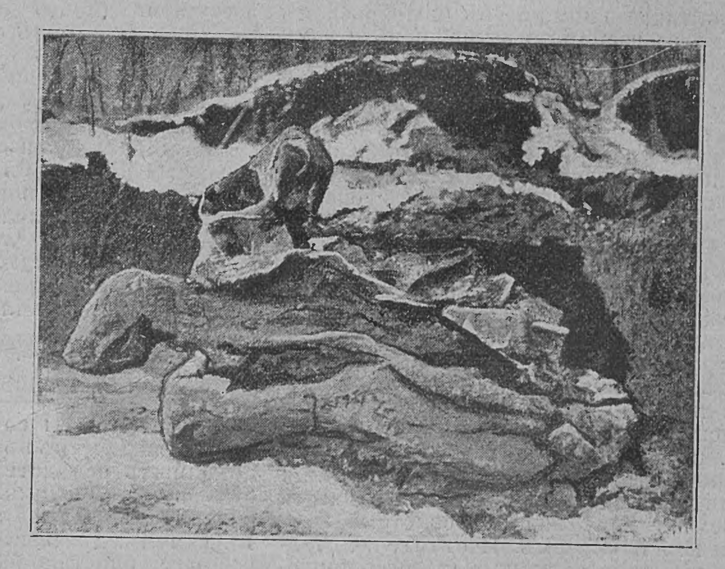
Черепъ мамонта съ лѣвымъ бивнемъ.

Нижняя челюсть мамонта съ языкомъ.

Видъ мамонта на мѣстѣ раскопки спереди.

Боковой видъ мамонта съ востока.

Экспедиція для раскопки трупа мамонта.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Пропперъ.